

Рождественские детективные истории

Автор:

[Татьяна Устинова](#)

Рождественские детективные истории

Татьяна Витальевна Устинова

Ирина Хрусталева

Марина Сергеевна Серова

Инна Юрьевна Бачинская

Елена Ивановна Логунова

Евгения Михайлова

Елена Арсеньевна Арсеньева

Великолепные детективные истории

Рождественские каникулы обрадуют вас снежной погодой, нарядными домами и улицами, встречами с любимыми людьми и массой свободного времени.

Проведите его с пользой: побалуйте себя! Отличным праздничным подарком станет сборник рождественских детективных рассказов. Их написали самые известные и любимые вами авторы – Татьяна Устинова, Евгения Михайлова, Инна Бачинская, – которые от души желают вам счастья, здоровья и веселого Рождества!

Елена Арсеньева, Татьяна Устинова, Марина Серова, Ирина Хрусталева, Елена Логунова, Евгения Михайлова, Инна Бачинская

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Елена Арсеньева. Рождественское танго

– Погодите-ка, девушка, – устало сказал мужчина в серой куртке, – вы что, не видите, что закрыто?

– Не вижу, – усмехнулась Алена. – По-моему, очень даже открыто! – И она толкнула турникет, попытавшись пройти.

– Черт, – с досадой сказал мужчина, повернувшись к кабинке кассирши, – перекройте дорогу, вы что, русского языка не понимаете?

Испуганная смуглянка, сидевшая в кабинке, обвешанной рулонами туалетной бумаги, смотрела на него с тупым ужасом. Очень может быть, что она и впрямь не понимала русского языка, поскольку, судя по внешности, родилась где-то на бескрайних просторах бывшего Союза и училась в школе (если вообще училась!) уже в то время, когда обязательное изучение русского языка было признано вредной политической ошибкой.

– Черт, – снова сказал мужчина, – да что вы все такие... тьфу! Закрыто! – крикнул он, обернувшись к небольшой группе людей, уже собравшихся перед турникетом и, судя по всему, испытывающих неодолимую охоту зайти за него. – По техническим причинам! Вон в другом переходе туалет, через двадцать метров, туда пожалуйста!

– Да там санчас! – возмущенно воскликнула маленькая женщина, стоявшая рядом с Аленой. При говорившей была сумка на колесиках, весом и объемом превосходящая хозяйку самое малое вдвое. – А на второй этаж не подняться – эскалатор не работает. Вы уж нас пустите, а то как пить дать авария случится.

– И не одна, – буркнул ломкий юношеский голос за Алениной спиной. И вслед за тем целый хор начал нестройно выражаться в том смысле, что закрывать одновременно два вокзальных туалета – это по меньшей мере некорректно.

– Черт! – в очередной раз сказал мужчина. – Ну не черт ли побери?!

– Вообще чертыхаться в таком количестве вредно, – произнесла Алена, как указывают в театральных ремарках, в сторону. – Накличете еще.

– Кого? – непонимающе посмотрел на нее мужчина, и Алена заметила, что он примерно одних с ней лет, высокий, худой, сероглазый и до крайности усталый. А может, и злой, потому что у некоторых мужчин крайняя злость проявляется в тенях под глазами и мученических складках у губ. И больше ничего, никаких признаков. Они умеют себя держать в руках и не срываются на конкретных людях. Как правило, достается только предметам почти абстрактным: чьей-то блудной прародительнице, или некоему фаллическому символу, или общеупотребительному вместилищу женского греха, ну и, как вариант, разжигателю адава пламени.

– Ну, его, – улыбнулась Алена, потому что мужчина ей понравился. Что с того, что они встретились на пороге столь неромантического места, как туалет, и он помешал ей... помешал ей привести в надлежащее состояние некоторые свои внутренние органы, назовем это так. И что с того, что они сейчас разойдутся, как в море корабли! И вообще, какой-то там работник туалетно-вокзального обслуживания совершенно не пара для писательницы, детективщицы, красавицы, умницы, фантасмагорической женщины Алены Дмитриевой, которая приехала в Москву специально на рождественскую милонгу!

Милонга, чтоб вы знали (быстренько поясню, дабы никого не клинило на непонятках), – это вечеринка, на которой танцуют только аргентинское танго. А также танго-милонгу или танго-вальс. Иногда милонгу и вальс называют быстрым или медленным танго, но это объяснение годится только в том случае, если нет времени вдаваться в подробности – как в нашем случае. Тем паче что впереди может случиться оказия, и о коренных отличиях танго от милонги и от вальса поговорить все же удастся. Ну а сейчас вернемся к диалогу Алены и туалетного работника... помните, у Евгения Шварца в «Каине Восемнадцатом»? «Поговори со мной, туалетный работник!» Похоже, правда?

Итак, Алена улыбнулась туалетному работнику и сказала:

– Ну, его... о котором говорят: помяни черта, а он тут как тут.

– Нет, ну что это за издевательство, – простонала какая-то высокая худенькая бледненькая девушка в вязаной, глухо натянутой на лоб шапочке, протискиваясь сквозь толпу. – Я не могу больше, не могу, понимаете?! Я беременная, у меня токсокоз первых месяцев, меня сейчас вырвет! Прямо здесь! Пропустите меня к унитазу!

Она зажала рот рукой, и сероглазый мужчина на всякий случай отпрянул к стене, чтобы себя обезопасить, а потом во весь голос заорал:

– Василий Петрович! Громовой!

– Ну чего? – отозвался и впрямь устрашающий, воистину громовой бас, и вокруг Алены раздались смешки. Она и сама хохотнула за компанию.

– Я одну девушку пропущу, – крикнул сероглазый. – Она беременная!

– Не верю! – отозвался Громовой. – Или девушка, или беременная, оба-два разом – понятия взаимоисключающие.

– Философ, иди ты! – несказанно удивился кто-то в толпе.

– Мне плохо! – взвизгнула взаимоисключающая беременная девушка. – Я сейчас... сейчас...

Алена сунула руку в сумку и выхватила полиэтиленовый пакет. В нем лежало яблоко, взятое в дорогу, но не съеденное за отсутствием аппетита. Яблоко Алена вытряхнула в сумку, а пакет протянула девушке.

Та глянула недоумевающе.

В эту минуту из туалетных недр явился человек, который с успехом мог бы сыграть Портоса в новой версии бессмертного романа Дюма.

– Ну что? – повернулся к нему сероглазый.

– Да все то же, – сердито буркнул Портос, и сразу стало ясно, что это и есть Василий Петрович Громовой. – Крест, восемь С, бутерброд. – И он потряс пластиковым пакетом, в котором лежал самый обыкновенный бутерброд: ломтик белого хлеба с колбасой.

– Колбаса!.. – в ужасе простонала девушка, выхватила у Алены пакет и ринулась прочь, прижимая его ко рту. Толпа сочувственно расступилась перед ней.

– Бутерброд? – печально проговорил сероглазый. – Опять упакованный, конечно? Понятно... Безнадега...

– Вызывай оперативников, короче, – сказал Громовой. – Нашей самодеятельностью тут не обойдешься.

Сероглазый «туалетный работник», который, как теперь легко было догадаться, оказался работником вовсе даже милицейским, достал телефон и начал нажимать на кнопки, а Громовой встал около турникета, взялся за него обеими руками и возвестил, что туалет закрывается на неопределенное время в связи с тем, что в нем произошел несчастный случай, поэтому необходимо обеспечить беспрепятственную работу оперативной бригады, которая сейчас прибудет.

Его голос слышен был примерно половине вокзала, поэтому Алене пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из толпы, которая немедленно собралась на манящее слово «несчастный случай». Вечная трагикомедия нашей жизни, никуда от нее не денешься.

Поднявшись на второй этаж вокзала (эскалатор очень удачно заработал в то мгновение, когда она к нему подошла), Алена сделала то, что хотела, и снова спустилась вниз, чтобы пройти в метро. Толпа около туалета меньше не стала, и двум милиционерам в форме приходилось применить немало силы, чтобы через нее пробиться.

«Интересно, что там случилось? Неужели кого-то убили?» – подумала Алена, но немедленно поняла, что ее это на самом деле не очень занимает. Ну кого могли убить в вокзальном туалете? Бомжа какого-нибудь. Или бомжиху, вернее всего, потому что Громовой вышел из женского отделения. А при чем там был

бутерброд? Его нашли у жертвы? Нет, похоже, на нем надеялись найти отпечатки пальцев: если вынесли в пластиковом пакете, значит, это бутерброд убийцы. Бр-р, какая пакость. И что там еще было... крест и восемь С, кажется, так сказал Громовой. Что бы это значило, интересно?

А вот тут Алене и в самом деле стало интересно, потому что звучало необычно, а ее хлебом не корми, дай какую-нибудь загадку разгадать. И чем больше в ней намеков на ребус или шараду, а то и вовсе на шифр, тем лучше! Крест, восемь С, бутерброд... Ну, предположим, крест – это крестик, который был на жертве. Или его убийца обронил? Или на стенке нарисовал? А что такое восемь С?! И еще Громовой сказал – опять... Получается, какие-то убийства уже были, если так можно выразиться, декорированы подобным образом? То есть это серийное убийство? Действует маньяк? Ужас! И это накануне Рождества!

И ужаснее всего, что это не столько маньяк, сколько маньячка, ибо убийство произошло в женском туалете...

– Девушка, ну куда вы претесь?! – заорал кто-то над ухом, и Алена очнулась, бестолково замотала головой и спохватилась, что стоит перед этой штукой, бог весть как она называется, она отродясь не знала, ну, через которую надо пройти, чтобы в метро попасть... раньше в нее жетончики бросали, потом карточку всовывали, а теперь просто прикладывают эту карточку к красному кружочку – и все отлично, иди не хочу! Алена хотела идти, кто спорит, но беда в том, что у нее не было этой самой карточки, которую нужно к красному кружочку приложить. Она проскочила кассу, углубившись в свои думы и забыв обо всем на свете. О да, это наша героиня умела делать в совершенстве! Однако Москва – последнее место в мире, где стоит предаваться гениальной рассеянности. Вот вернешься в родимый Нижний Горький – и витай в облаках сколько угодно. А здесь – ни-ни. Здесь прежде всего о делах!

Алена вернулась к кассам и встала в очередь, послушно думая о делах. Милонга начнется в восемь, сейчас около полудня (она приехала в Москву из Нижнего на самом своем любимом поезде, который уходил в шесть утра и прибывал в одиннадцать с небольшим). Нужно съездить в издательство «Глобус», которое великодушно снисходило до того, чтобы печатать нетленку, которую ваяла детективщица Дмитриева, и подписать там договоры на новые книжки, и это прекрасно, товарищи, потому что книжка – это не только полет вдохновения, но и конкретные мани-мани, на которые худо-бедно, но можно-таки жить. И не просто жить, но и порой получать от жизни некоторые приятности. Например,

позволить себе съездить в Москву на рождественскую милонгу... и купить по такому случаю новые танго-туфли!

О танго-туфли... «Песнь песней» для тангеры! Тангера, если кто не знает, это дама (девушка), которая тангирует – танцует танго. Аргентинское танго, само собой, потому что никакое другое (бальное, финское, спортивное etc.) в счет вообще не идет. Между прочим, в Нижнем так и называют этот танец для краткости – атанго. Мужчина, который танцует атанго, называется тангеро. Множественное число от мужского и женского рода – тангерос. И это слово не склоняется, что бы ни думали некоторые безграмотные личности, сплошь и рядом называющие танцующих атанго тангеросами.

Так вот о танго-туфлях... О «Comme il faut», «Neo Tango», «Darcos-tango» и прочая, и прочая, и прочая! Наверное, нет ни одной марки обуви, название которой произносилось бы с большим восторгом, пиететом и количеством придыханий, чем название аргентинских фабрик, которые шьют туфельки для атанго. Шелковые, сатиновые, замшевые, кожаные, для практик (так на танго-языке называются уроки, тренировки) на скромном каблукке сантиметров в шесть, и для милонг и шоу – с тонюсенькой шпилькой, которая достигает порой двенадцати сантиметров!.. Атанго такой удивительный танец: чем выше каблук у туфелек, тем удобнее танцевать. Вся штука в том, что большинство шагов у партнерши назад, причем идет она, подав корпус вперед, поэтому высокий каблук очень помогает контролировать баланс.

Но стоило Алене Дмитриевой подумать о танго, которое она обожала и которому поклонялась, как язычник поклоняется своему златому кумиру, – и все прочее вылетело у нее из головы, а в первую очередь – столь неприятное событие, как убийство в вокзальном туалете. И она, купив несколько карточек, прошла наконец в метро, спустилась в вестибюль кольцевой линии и поехала на «Белорусскую», где ей предстояло пересесть и ехать на «Войковскую», в любимое издательство «Глобус». По пути Алена думала о том, что многое нужно сегодня успеть: и договоры подписать, и забрать авторские экземпляры книжек, которые вышли с того времени, как она последний раз была в Москве, и отвезти их на вокзал, в камеру хранения, а потом срочно мчаться в «El choclo»[1 - «El choclo» – название одного из самых популярных классических аргентинских танго.] – замечательную студию, где можно было купить туфельки, специально привезенные для русских тангерочек из Аргентины. Алена загодя созвонилась с Афиной, которая ведала продажей туфелек, и та назначила ей время.

Странное имя Афина, верно? На самом деле у этой милой дамы были обычные имя и фамилия и даже, конечно, отчество, но Алена Дмитриева, которая и сама вполне привыкла к жизни под псевдонимом («в миру» ее звали Еленой Ярушкиной), обожала давать новые имена всем своим знакомым из небожителей, которыми для нее были все причастные к миру аргентинского танго в Москве и Питере. Афина звалась Афиной не столько из-за своего предполагаемого сходства с греческой богиней, сколько из-за обаятельной мудрости, которой от нее так и веяло.

Руководителя «El choclo» Алена называла Александр Великий, потому что он был в самом деле Александр и в самом деле великий человек для русского танго. Вот так его Алена воспринимала и ничего с собой не могла поделать. Для краткости он, впрочем, звался АВ. Был в Москве тангеро, которого она прозвала Мистагог, поскольку он был полным тезкой (по имени и фамилии) одного знаменитого поэта Серебряного века, носившего такое прозвище среди своих почитателей. Среди москвичей был еще Серый Мачо, Энерджайзер, Лебедь Белый (он же Гусь Хрустальный, в зависимости от того, проявлял он благосклонность к Алене на милонгах или нет), Че Гевара, МММ, что означало Мужчина Моей Мечты (с этим потрясающим тангеро Алена давно мечтала потанцевать, да он ее в упор не видел); среди питерцев имелись Брунгильда, Три мушкетера (прозвище одного человека, а вовсе не трех), Тангоман...

Итак, Алене предстояло сделать множество дел до конца дня, но она успела все, что нужно, и даже, вернувшись на вокзал к вечеру, почти час подремала в VIP-зале в мягком VIP-кресле, заплатив за все удовольствие 200 рублей. Собственно, удовольствие состояло не столько в дреме, сколько в том, чтобы, сняв сапожки, как можно выше задрать ноги, что Алена и сделала, плюнув на взгляды мимоходящих мужчин и уложив ноги на спинку нарочно для этого приставленного VIP-стула. Безумно хотелось померить новые туфли – само собой, каблук 12 см, само собой, тисненый шелк, само собой, черные, матовые такие, с ремешком вокруг щиколотки... волшебный сон, а не туфли! Идеально подходящие к ее черному платью в экстравагантных лиловых бабочках! Но интерес окружающих к ее задранному на спинку стула ногам и так выходил за рамки здорового, поэтому Алена не стала напрягать мироздание до предела и просто мечтала о том, как она наденет туфли и выйдет на паркет, и на нее тотчас, немедленно, сломя голову, налетят партнеры, партнеры... тридцать пять тысяч одних партнеров... и она будет танцевать без отдыха всю ночь.

И тут она вздохнула, потому что насчет «всей ночи» не получалось никак. У нее был билет на обратный поезд на час. Просто милонга в пять утра кончится, а ближайший поезд в Нижний – в два дня. И куда податься Алене Дмитриевой с пяти до четырнадцати? В гости к кому-то напроситься не позволяла гордыня. Устроиться в гостиницу – здравый смысл и размер кошелька. И вообще, к пяти часам она, «жаворонок», с ума сойдет. Самое то: побыть на милонге до половины первого, нет, даже до без четверти, а потом бегом на вокзал (благо здание старого завода, где оборудовали танцзал, ровно в пяти минутах ходьбы через тоннель) – и влететь в вагон перед самым отправлением.

Рискованно, конечно. Но что делать, если иначе никак не извернуться, чтобы и на милонге побывать, и в родной город по-человечески уехать?

Кроме того, Алена не любила ничего, что длится долго. Лучше недоест, чем переест. Уйти лучше раньше, чем позже. Ну и прочее в этом же роде, кроме того, что переспать – лучше, чем недоспать, особенно с...

Впрочем, пардон, это уже не в тему.

Алена посмотрела на часы, и сердце ее, совершенно как у небезызвестной Маргариты, глухо стукнуло.

Полвосьмого. Самое время двигать на завод и начинать танговать.

* * *

Конечно, истинные танго-львицы Москвы скорее застрелились бы, нежели явились на милонгу за полчаса до начала, но, во-первых, Алена не танго-львица, тем паче Москвы, а во-вторых, она явится не за полчаса, а, с учетом дороги, за двадцать пять минут. Или даже за двадцать четыре. Почувствуйте разницу!

– С Рождеством! – радостно воскликнула барышня, сидевшая за столиком с билетами у самого входа в огромный танцевальный зал, бывший цех... может, самолеты в нем собирали, что он такой огромный?! На худой конец, грузовики, наверное. – Триста рублей, и, пожалуйста, без сдачи, сдачу я еще не наторговала. Вот гардероб, можете шубку повесить, но только там гардеробщика нет, так что, если беспокоитесь, лучше берите вещи с собой, а

переодеться можно в туалете – вон туда, направо.

Алена нашла триста рублей без сдачи, повесила шубку в гардеробной (вот еще не хватало, шубу с собой таскать, пусть уж висит, положимся на русский авось), взяла номерок и вон там, направо, отыскала туалет. Вошла – и онемела, потому что, без преувеличения, это был самый потрясающий туалет, виденный ею в жизни.

Раньше это было просторное помещение с высоченным потолком и кирпичными стенами. Кирпич просто оббили – теперь это была неровная, бугристая, грубая ржаво-бурая поверхность, – но в сочетании с вычурно-помпезным оформлением выглядело это невероятно. Какое зеркало – до потолка! – в золоченой раме в стиле русский модерн начала XX века! Какой кафель на полу! Какие раковины и краны – тоже золоченые и тоже современные! Какие немыслимые флаконы с мылом для рук! Какие вертушки для бумажных полотенец! Какие ароматы, вполне достойные цветущих садов, а вовсе не отхожего места! Все в красно-золотисто-розовых тонах! Человек с огромной фантазией и вкусом это придумал.

Правда, самым насущным – собственно сантехникой – Алена пока не имела возможности восхититься, потому что все десять кабинок, предназначенных как для мужчин, так и для женщин (на каждой были переплетены сакраментальные буквы М и Ж, столь же затейливо вызолоченные, как и ручки), были заперты. На восьми висели таблички: «Не работает», производившие в этом царстве роскоши и изысканности совершенно разрушительное впечатление. На девятой таблички не было, но она оказалась заперта изнутри. Видимо, там кто-то уже переодевался. Интенсивный процесс переодевания осуществлялся и за десятой дверью, которая чуть-чуть не доходила до пола – как, впрочем, и все прочие: из-под нее была видна лежащая на полу туфелька, которую ее хозяйка, видимо, еще не успела надеть. Оттуда также доносилась какая-то возня, что-то щелкало, шуршало, шелестело, иногда с шумом сливалась вода в унитазе... Алена деликатно отошла подальше, но никак не могла отвести взгляд от валявшейся на полу туфельки. Ее каблук чуть-чуть высывался в щель... черно-красный лакированный каблук, конечно, двенадцатисантиметровой высоты. Сегодня в «El chocio» Алена видела такие туфли. Вообще она там много чего увидела и просто с ума сходила, так хотелось купить и то, и то, и это! Но ее ограничивали и деньги, вернее, невеликое количество таковых, и то, что не все туфельки подходили по размеру. Утешила премудрая Афина: «У тебя только две ноги, больше, чем одну пару, ты не наденешь!» Конечно, это правда... А вот такая туфелька, которая валялась на полу, Алене не подошла, маловата оказалась. А

той девушке, которая там переодевается, значит, подошла. Она, наверное, пришла в «El choclo» сразу за Аленой и купила их, потому что Афина сказала: эти туфли единственные, только 38-го размера. Одна пара! В полтора раза дороже самых дорогих, очень авангардная модель, красные с черным босоножки, лакированные, с алыми креповыми лентами, которые завязываются на щиколотках пышными бантами.

Банты, на вкус Алены, все же были некоторым излишеством, но смотрелись просто обалденно.

Алена стояла, завистливо таращилась на туфельку и поступала совершенно как известная по басне Крылова лисица, то есть размышляла, что зелен виноград. Все-таки банты – ужасно неудобная штука, их очень легко зацепить каблуком, потерять баланс, а то и вовсе упасть и свалить партнера, вот будет жуть... Алена один раз умудрилась зацепить каблуком широкий подол прелестного трикотажного платья, делая высокое переднее болео, но предпочла порвать дорогую ткань, только бы не нарушить баланс, ведь баланс для тангеры – это самое святое, это основа основ, это альфа и омега танго... Да что же это, черт возьми, они в этих кабинках так долго переодеваются?!

В эту самую минуту дверца ближайшей кабинки со страшным скрипом распахнулась и оттуда выскочила высокая и худая девушка с черными длинными волосами. На ней было черное платье и черные чулки в сеточку, туфли тоже черные. Обычный наряд тангеры. В руках у девушки была огромная черная сумка, в которой, надо думать, лежали не только сапоги и какой-нибудь там свитер с джинсами или юбкой, но, наверное, и шубка или куртка. Такая возня зимой с этими сумками на милонгах, в гардероб их никогда не принимают, приходится заталкивать за спинки диванов, под стулья и постоянно контролировать, на месте твое барахлишко (или сверхценное имущество, нужное подчеркнуть) или ему уже приделали ноги. Впрочем, на милонгах вроде бы не воровали. А может, это Алене просто везло.

Наверное, черненькая тангера не заметила, как Алена дергала ручку двери. Выскочив, она испуганно сказала «ой», как если бы не ожидала, что кто-то ждет своей очереди переодеться, и даже поскользнулась. Алена внимательней взглянула на ее туфли и даже удивилась: они были самые простые, черные, кожаные, на толстом каблуке. Туфли из магазина «Grishko». Раньше только в этом магазине можно было купить танго-обувь, все туда просто ломались, но теперь, когда студия «El choclo» занялась продажей настоящей аргентинской

обуви, раз в сто более удобной и раз в сто тысяч более красивой, никто за тамошними туфлями и ходить не хотел, вот разве что начинающие, еще не расчухавшие, что к чему в танго.

Наверное, черненькая девушка была из нерасчухавших.

Ну что ж, можно было только пожалеть ее и понадеяться, что она рано или поздно созреет.

Алена вошла в кабинку и начала переодеваться. Из соседней кабинки не доносилось ни звука. Наверное, девушка, которая там переодевалась, тоже ушла.

В туалете раздался веселый щебет девичьих голосов, из чего можно было легко сделать вывод, что количество жаждущих переодеться увеличилось. Ну, ситуация клиническая! Сейчас тут выстроится такая очередь, что некоторым несчастливицам удастся переодеться только к концу милонги. Как глупо, что организаторы не подумали о специальной комнате или хотя бы не позаботились открыть все кабинки! Причем милонгу ведет студия «El chocio», которой руководит Александр Великий. Не похожа на него такая непредусмотрительность, совсем не похожа!

О господи, только бы колготки не порвались, конечно, есть запасные, но что делать, если потом, в танго, она зацепит тонкую сетку каблукон? Запасные лучше приберечь на крайний случай...

Вдруг Алена услышала решительные мужские шаги, а потом голос Александра Великого:

– Девочки, извините, что врываюсь, но я привел человека, который откроет все кабинки, так что переодевайтесь на здоровье.

Александр оставался великим во всех своих проявлениях, с умилением подумала Алена.

Защелкали ключи, заскрипели, открываясь, дверцы, девушки вбежали в кабинки, снова заскрипели дверьми, застучали защелками, кто-то подергал

ручку кабины Алены, констатировал: «Занято! И рядом тоже!»

Алена дождалась, пока шаги АВ удалились, и открыла свою жутко скрипучую дверь. Почему-то показалось неудобным выйти из туалета в его присутствии, хотя что здесь такого?!

Ну вот такая она стеснительная.

Выходя, Алена обернулась, чтобы увидеть себя в зеркале сзади, и боковым зрением отметила, что под дверью крайней кабинки по-прежнему лежит та самая черно-красная потрясающая туфелька.

Странно. Значит, там кто-то все еще переодевается? Вроде бы ни звука... И дверь чуть приоткрыта...

А впрочем, пустяки все это. Алена пришла сюда не подслушивать под туалетными дверьми, не подсматривать, а танговать!

И она полетела в зал.

Там было практически пусто, но уже звучала неременная «Cumparsita», которой традиционно открывают и закрывают все милонги, и три пары медленно пробовали себя в базовых шагах. С молоденьким, нерешительным мальчиком танцевала и та черненькая, из туалета. Эх, эх... какие туфли, таковы и молинете, и очос[2 - Базовые фигуры аргентинского танго.], и все прочее... Бытие определяет сознание, не нами сказано. Но сказано верно.

В это мгновение расклешенная юбка девушки взвилась, и Алене стало видно, что сетчатый чулок на коленке порван. Наверное, зацепила, когда одевалась, а запасных с собой не взяла. Теперь понятно, почему она так скованно держится! Ничто так не мешает танцевать, как осознание, что у тебя что-то не в порядке с одеждой!

С другой стороны, ни одна нормальная женщина из дому не выйдет без пары запасных колготок, это всем известно!

Алена нашла себе местечко на хорошем диванчике, откуда ей будет видно всех и всем будет видно ее, закинула сумку за спинку и села, расправив юбку на коленях, но не натянув ее, а как бы чуточку вздернув, при этом стреляя взглядом по сторонам в ожидании партнера. Они уже присутствовали – в количестве пяти-шести человек, но пока не танцевали – присматривались.

«Эй, эй, тангерос-партнерос! – мысленно возмутилась Алена. – Уже начало девятого, у меня времени осталось всего ничего, вы что, не понимаете?! Поторопитесь, ведь я так хочу, хочу, хочу танцевать!»

И, словно услышав ее мысленный призыв, рядом с ней материализовался высоченный Энерджайзер и, сияя улыбкой, протянул ей руку. Алена просияла в ответ и прильнула к нему трепещущим от счастья бюстом. Как всегда, рядом с Энерджайзером у нее возникало ощущение, что она пьет хорошее шампанское. Пузырьки так и будоражили кровь!

Она бы танцевала с ним всегда, но после трех танд[3 - Музыкальный отрезок на милонге, обычно это три танго, милонга и танго-вальс, длится в общей сложности около пятнадцати минут.] пришлось, увы, расстаться. Впрочем, на своем диванчике Алена не засиделась. К ней подплыл Лебедь Белый и загадочно улыбнулся. Алена блаженно вздохнула и обняла его. Он был такого же роста, как Энерджайзер, то есть не меньше чем метр девяносто. Любимый размер высоченной тангеры на двенадцатисантиметровых каблуках!

После изысканного танца с утонченным блондином Алену пригласил какой-то малорослый немолодой незнакомец в берете, один из эпигонов Че Гевары, но, если тот просто эпатировал публику своим обликом, этот явно скрывал под беретом лысину. Впрочем, ни лысина, ни рост не мешали ему прекрасно танцевать. Однако манера у него была довольно, как бы это помягче выразиться, свободная, чтобы не сказать развратная... Перманентно он двигался, уткнув нос в декольте Алены, и даже иногда забывал вытащить его, чтобы перевести дух, а уж приткнуться свои выступающие части тела к ее бедрам – это для него вообще было святое дело!

Ну да ладно, такому партнеру можно многое простить за качество введения в волькаду![4 - Одна из самых сложных и весьма эффектных фигур аргентинского танго: некая взаимная «пирамидка» между партнерами с различными движениями ног.] Потом, усевшись на свой диванчик и мимолетно проконтролировав наличие сумки (на месте, все о'кей), Алена обнаружила, что в

зале появился МММ, Мужчина Моей Мечты (в смысле ее, Алены Дмитриевой, мечты), и принялась его гипнотизировать по всем правилам кодигос[5 - Свод традиционных правил, регламентирующий поведение на милонге.], внушая, что он должен, непременно должен, просто обязан ее пригласить. Но МММ, по обыкновению, никак на это не отреагировал и понесся по залу с какой-то хорошенькой дебютанткой, закружив ее в вихре танго-вальса. Это был «Desde El Alma», восхитительная классика, его Алена обожала. Впрочем, его все обожали, и на паркете, вернее, на длинных, безупречно отполированных досках танцпола, вдруг стало довольно много народу.

Алена взглянула на часы. Батюшки, она здесь уже почти полтора часа! Вот летит время, это просто что-то. Однако у нее довольно много времени до ухода, можно вволю натанцеваться. Впрочем, не факт... Как раз начали прибывать московские танго-пижоны (элита нации!), которые считают дурным тоном явиться на милонгу вовремя. А среди элитных партнеров котируются только элитные партнерши – несчастных провинциалок вроде Алены и не замечают (да что они понимают в женщинах!). Для многих залогом счастья было непременно потанцевать с какой-нибудь знаменитой тангерой, а потом, в кулуарах, небрежно обмолвиться: я-де танцевал с Аллой Сусиной, и она на пьернас[6 - Изощренная фигура аргентинского танго, высокие махи ногой партнерши за спину партнера.] не повелась, а мне Аля Юстинына наступила на ногу, а Муся вообще не ловит синкопы... Конечно, все это было обычное мужское вранье, но до чего же высоко эти мужики задирают носы!

«Может быть, меня больше никто и не пригласит, – грустно подумала Алена. – Мною ведь не похвастаешься! Они же не знают, что я писательница... правда, совсем не знаменитая, это раз, а во-вторых, в атанго идет в счет только мастерство. Все прочие регалии несущественны!»

Словом, Алена совсем уж приуныла, как вдруг увидела, что в обход танцующих пар к ней приближается не кто иной, как сам АВ, Александр Великий.

Точно, он шел к ней... и смотрел ей в глаза... по всем правилам кодигос! Алене показалось, что АВ невесел и чем-то сильно озабочен, однако подойдя, он приветливо улыбнулся и протянул руку:

– Потанцуем?

Сто раз Алена внушала себе, что не должна принимать приглашения с такой радостной улыбкой, но разве можно было скрыть неистовый восторг от возможности потанцевать с самим АВ?! Алена вскочила, улыбаясь ну натурально до ушей, и просто-таки кинулась в его объятия – такие мягкие, такие вальяжные, такие надежные.

И снова как укололо: «Почему он такой грустный?» Но снова он улыбнулся, а она забыла обо всем от удовольствия. Больше всего на свете она любила танцевать с АВ, жаль, что такое счастье выпадало редко, но уж сейчас она намерена была воспользоваться им на полную катушку, тем паче что звучала ее любимая, любимейшая «Felicia» в самой удачной, на взгляд Алены, аранжировке – оркестра Альфредо д'Ангелиса.

Лишь волны печаль мою хранят, –

начала напевать Алена в такт музыке.

Один стою

На берегу и жду.

Так жизнь пройдет,

Как ты прошла, любовь!

Так жизнь пройдет...

Покинут я

Звездой моей,

Покинут я

Отрадой глаз,

Покинут я,

Умру, умру...

Вернись, вернись,

Вернись ко мне,

Фелисия!

Но если Алена ожидала, что АВ похвалит ее перевод (а ее переводы все всегда хвалили!), то она ошибалась. Он напряженно улыбнулся – и повел Алену в самую гущу танцующих, наперерез линии танца. Круто повернул, уворачиваясь от Развратника, который прижимался своим беретом к пышной груди не кого-нибудь, а питерской Брунгильды, – и втолкнул Алену в какую-то тесную каморку, в которой была навалена пластиковая мебель – столы и стулья. Тотчас выпустил ее из объятий и деловито спросил:

– Вы говорили Афине, что сегодня уезжаете?

– Да, – растерялась Алена. – Убегу сразу после полуночи.

– Так. – АВ взглянул на часы. – Времени мало, но еще есть. Я прошу вас о помощи. Случилось нечто страшное... страшное и непонятное, я... – Он нервно провел рукой по лбу, и Алена поняла: он и в самом деле вне себя от беспокойства! – Здесь произошло убийство.

* * *

– Убийство? – повторила Алена севшим голосом. – Какой ужас... Здесь?!

И она обвела взглядом комнатушку.

– Нет, – качнул головой АВ. – В туалете.

И при этом слове Алена, как во сне, вдруг проговорила:

– Крест, восемь С, бутерброд.

АВ так и вытаращил глаза:

– Откуда вы знаете?! Неужели уже пошел слух? Но ведь они обещали никому пока не говорить!

– Да мне никто ничего не говорил, – растерянно объясняла Алена, не имевшая представления, кто такие эти они, и пытавшаяся как-то привести в порядок мысли, бестолково и беспорядочно сновавшие в голове. – Я сама не пойму, почему это ляпнула. Просто сегодня днем на Курском вокзале тоже случилось убийство в туалете... там прозвучали эти слова – крест, восемь С, бутерброд, ну, вот, видимо, записались на каких-то файлах моей памяти... К тому же туфелька валялась под дверью так странно... В ней было что-то трагичное, обреченное.

– Вы тоже видели туфельку?

– Ну да, я как раз переодевалась, когда вы пришли открывать кабинки. Но неужели и правда эта туфелька принадлежала убитой? А ведь она купила ее только сегодня! Я видела эту пару в «El chocio»!

– Да, Афина сказала, что сегодня туфли купила Роза Рыбина. Это одна из преподавательниц аргентинского танго в Москве. Раньше она с Белым Лебедем танцевала, а теперь и свою школу открыла. Дела у нее, правда, неладно идут, но Роза – весьма амбициозная дама, она свое непременно возьмет.

– Так значит, это ее убили? – воскликнула Алена, немного удивившись, почему это АВ говорит о Розе Рыбиной в настоящем времени.

– Да нет, – покачал он головой, – жива-здорова, дома сидит. Я ей сразу позвонил, и она объяснила, что ногу подвернула, когда от нас с новыми туфлями шла, и теперь может только платонически любоваться ими. Сидит, дескать, и плачет...

– Но получается, такие туфли покупал кто-то еще?

– Да, где-то полгода назад была у нас еще пара, но кому мы их продали, Афина, конечно, не помнит. Очевидно, эту девушку и убили. Кошмар...

– И Афина не опознала ее?

– Да опознать ее весьма затруднительно, – мрачно сказал АВ, и Алена почувствовала, как тошнота поползла к горлу. Что ж там такое случилось, в той тесной туалетной кабинке?! – Просто потому, что трупа нет.

– Как – нет? – тупо переспросила Алена. – А куда он делся?! Может быть, его и не было?

– А кровь откуда? Это, знаете ли, не кетчуп или краска, это настоящая кровь.

– Откуда вы знаете? Сейчас такие пошли заменители всякого реквизита для фильмов, что и не отличишь. Тут анализы надо в лаборатории...

За спиной скрипнула дверь. Что же это двери тут все такие скрипучие, на этом заводе?!

– Все анализы сделаны, – слышался мужской голос. – А теперь объясните, откуда вы знаете про крест и восемь С.

Алена обернулась – и так удивилась, что сказала:

– Здравствуйте!

Да и было чему удивляться! Ведь перед ней стоял не кто иной, как тот сероглазый в серой куртке, которого она видела сегодня днем в туалете Курского вокзала!

– А Громовой тоже здесь? – вопросом на вопрос ответила Алена, и у него изумленно расширились глаза.

– А, я вас знаю. Я вас видел днем на Курском. Я вас в туалет не пускал.

– Да, и именно там я и еще сотня всякого народу могли слышать, как Громовой проорал про крест, бутерброд и все такое, – любезно сообщила Алена. – Значит, милицию все же вызвали? – повернулась она к АВ. – Полагаю, это самое разумное.

– А я не полагаю, – мотнул головой АВ. – Никто никого не вызывал. Это случайное совпадение, что господа... в смысле товарищи сыщики тут оказались. Они искали меня для разговора. А тут...

– Чистая правда, – подтвердил сероглазый. – Дело в том, что в том туалете на Курском, в мусорной корзинке, стоявшей в той же кабинке, где произошло убийство, мы нашли розовую с белыми цветами танцевальную туфельку на бессмысленно высоком каблуке. Туфля лежала в шелковой мешочке с надписью «Comme il faut», а еще сверху была пришпилена бумажка с надписью, отпечатанной на принтере: «Студия «El choclo», обувь для аргентинского танго». Это и привело нас сюда. То есть мы сначала побывали в студии, но нам сказали, что все руководство здесь. Вот и мы здесь. Вчера и позавчера мы тоже находили в окровавленных туалетах очень красивые и дорогие – это даже мне, мужчине, понятно! – танцевальные туфли в фирменных мешочках с разными надписями.

Алена, которая не только писала детективы, но и любила их читать, мигом вспомнила один из любимейших: роман Мэри Хиггинс Кларк «Любит музыку, любит танцевать». Маньяк убивал девушек, сначала потанцевав с ними, и одну нарядную танцевальную туфельку отсылал родным.

Жуть! Не дай бог столкнуться с таким в реальности!

– Всегда одна туфля, – продолжал сероглазый. – Всегда полный унитаз крови. Трупа нет. Мы терялись в догадках, как все эти ситуации связаны. Серия ведь самая типичная! И вот эта этикетка на мешочке, найденная сегодня на Курском... Нам потребовалось время, чтобы связать кое-какие нити, найти студию «El choclo». Кстати, может кто-то объяснить мне, что это значит?

– По-испански это означает кукурузный початок, – пояснил АВ. – Танго культовое так называется, но к кукурузе оно не имеет отношения.

Алена кивнула с видом эксперта, потому что «El choclo» она тоже переводила, и там в самом деле не было ни слова про какие бы то ни было сельскохозяйственные культуры. Только про танец, про музыку, про звезды...

Ах, в ритме танго, ритме дерзком и хвастливым,

Я улетел однажды, как на крыльях ночи,

Я улетел однажды из трущоб постылых

И устремился, все покинув, в небеса.

Я заклинал своей душою звезд потоки,

Я в ритме танго закружил луну и солнце,

Я пел о боли, о любви и о надежде,

Я в ритме танго вырвался с земли.

Отличный был перевод, который Алена с удовольствием пропела бы, но сейчас, увы, было не до прославлений своего несомненного литературного таланта.

- Ишь ты, - сказал сероглазый. - Мы сначала думали, это магазин какой-то так называется. Оказалось, танцы... танго... Позвонили Александру Великому, - разумеется, Аксютин назвал его по имени-отчеству, - приехали, а у вас тут такое...

- Слушайте, АВ, - сказала Алена недоуменно, - сколько раз покупала у вас туфли, но ни разу не видела на мешочках таких этикеточек: «Студия «El choclo», обувь для аргентинского танго».

- Не видели, потому что мы их никогда не клеили, - угрюмо сказал АВ. - Это кто-то другой сделал. Но я не понимаю, при чем тут этикетка!

- Сколько, вы говорите, уже зафиксировано подобных случаев? - спросила Алена у сероглазого. - Кстати, как вас зовут?

- Майор Аксютин Геннадий Андреевич, - отрапортовал тот и нахмурился: - Это к делу не относится. Зачем вам?

- Меня зовут Алена, Алена Дмитриева, - сказала наша писательница, которую на самом деле звали Елена Ярушкина. Но она так привыкла к своему псевдониму, сроднилась с ним, можно сказать, что про подлинное имя и фамилию периодически забывала. - И должна же я к вам как-то обращаться. Господин или даже товарищ сыщик - не лучшая форма, вам не кажется?

Он усмехнулся:

- Ладно, зовите меня просто майор, это удобнее всего.

- Договорились, - кивнула Алена. - Так вы мне не ответили, майор.

– Убийств – четыре, включая сегодняшнее. Но этикетка появилась впервые, на предыдущих мешочках ее не было.

– Где все это случилось, в каких районах Москвы?

– Сначала в туалете на Павелецком вокзале, потом в общественном туалете на Приваловой, потом на Курском и вот теперь здесь.

– А я думаю, – сказала Алена, – что больше ничего подобного не произойдет.

– Вашими бы устами... – скептически хмыкнул майор Аксютин, а АВ вздохнул с отчаянной надеждой.

– Нет, серьезно, – настойчиво проговорила Алена. – Вам не кажется, майор, что милицию кто-то старательно подводит именно к студии «El choclo»? Обратите внимание: Павелецкий вокзал находится рядом с Приваловой, а на Приваловой расположена студия. Курский вокзал рядом с заводом, где уже давно анонсирована милонга, которую проводит именно «El choclo»... И если уж вы сразу не увязали аргентинские танго-туфли, которые продаются только в «El choclo», с этой студией, вам на нее конкретно указали в записке.

– То есть кто-то убивал людей и расчленял трупы, чтобы только скомпрометировать какую-то студию аргентинского танго? – скептически поднял бровь Аксютин. – Ну и полет фантазии у вас, Алена Дмитриева!

– Расчленял?! – севшим голосом повторила Алена, почувствовав, как похолодело лицо.

– А куда еще, по-вашему, деваются трупы? – как на идиотку, посмотрел на нее Аксютин. – Как можно убить человека в туалетной кабинке, а потом вынести его? Разумеется, только расчленив, а потом положив в большую сумку.

– Слушайте, – осторожно проговорила Алена, – я не очень хорошо разбираюсь в этом... э-э... процессе, но даже я знаю, что все должно быть в кровище...

– Кровищи достаточно, – успокаивающе кивнул Аксютин. – Но умеренно. Мне приходилось уже сталкиваться с такими ситуациями, когда убийца работает

профессионально. Сначала он заталкивает труп в большой пластиковый мешок – и уже в этом мешке орудует ножом или секатором.

– Секатором... – Алена сделала глотательное движение, подавляя тошноту.

– При известном навыке, – продолжал хладнокровный Аксютин, – следы крови сведены до минимума. Потом труп кладется в большую сумку – и...

При словах «большая сумка» Алена вдруг вспомнила черненькую тангеру с ее сумкой. Да, в такой вполне может уместиться расчлененное тело... Но, во-первых, девушка вышла из другой кабинки, не оттуда, где произошло убийство, а во-вторых, если всех женщин с большими сумками подозревать в совершении жуткого преступления, то Алена вполне может занять место в очереди первой.

– Господи боже, – простонала она, вдруг кое-что вспомнив, – а я ведь стояла рядом, практически рядом, когда он ее убивал... я слышала какие-то звуки, доносившиеся из кабинки... но мне и в голову не могло прийти, что... я думала, там переодеваются. Это меньше всего было похоже на убийство!

Аксютин посмотрел на нее подозрительно.

– Не стоит, – слабо усмехнулся АВ. – Не там ищите. Алена не только пишет детективы, у нее еще и незаурядные детективные способности, которые она иногда проявляет с пользой. Мы с женой были в Египте и оказались в одной группе с начальником городского следственного отдела из Нижнего Горького, Муравьевым Львом Ивановичем. Такие дифирамбы вам пел... – улыбнулся он Алене. – Я именно потому и решил к вам сейчас обратиться, ну и господам вот... ну, товарищам... посоветовал. Майор хотел сразу оперативников вызвать. То есть представляете, Алена, что бы тут началось?

– Да, вечеринка была бы сорвана, – хладнокровно констатировал Аксютин.

– Это не просто вечеринка, а милонга! – возмущенно воскликнул АВ. – Это сорванная милонга! Это испорченное настроение сотен тангерос. Это дискредитация самой идеи аргентинского танго в Москве!

- И прежде всего - студии «El chocio», - задумчиво проговорила Алена Дмитриева.

- Да ну, бросьте, - отмахнулся Аксютин. - Кому она нужна, эта студия?!

- Как это - кому? - обиделся АВ.

- Как это - кому?! - обиделась и Алена. - Например, мне. И не только мне. И очень сильно нужна, не сомневайтесь. А также можете не сомневаться, что кому-то она так же сильно не нужна. Мешает. И он устроил всю эту кровавую жуть с единственной целью: сорвать праздничную милонгу и скомпрометировать студию «El chocio».

- У вас что, враги есть? - со скептическим выражением лица повернулся Аксютин к АВ.

- Ну, скажем так - конкуренты, - дипломатично ответил тот. - Конечно, есть, как и у любого бизнесмена. Ну и, конечно, в борьбе иной раз идут на недозволенные приемы.

- В танцульках-то? - еще более скептически хмыкнул Аксютин.

- Ого! - печально кивнул АВ.

- Ого! - сердито кивнула Алена. - Вообразите, к нам собрался приехать, чтобы провести мастер-класс, Энерджайзер. И вот накануне его приезда одна фифа, которая занимается в Москве у другого преподавателя и хочет, чтобы все наши тангерос ходили только на его мастер-классы, распространяет слух, будто Энерджайзер - самый плохой в Москве преподаватель, то есть полный отстой. А фифа эта, к сожалению, из тех, про которых говорят, что она, как ржавчина, все проест. Ей поверили. И на тот мастерс пришло довольно мало народу. А Энерджайзер - он просто супер, - горячо воскликнула Алена, - не такой, конечно, как АВ, но все равно - супер!

- Ну, это чепуха, - пожал плечами Аксютин. - Мало ли кто что сказал.

– Зато здесь и сейчас – не чепуха, – парировала Алена. – И я убеждена, что все дело именно в стремлении скомпрометировать студию «El choslo».

– Ах, вы убеждены... – протянул майор Аксютин. – Ну, тогда конечно...

– Слушайте, – сказала Алена примирительно, сделав вид, что не заметила откровенной издевки в его голосе. – А каких групп была кровь тех девушек, ну, которые предположительно убиты и... того-этого?..

Аксютин достал капэкашник и открыл какой-то документ:

– Первая.

– У всех?

– Ну да, а что? Очень распространенная группа крови. Например, известно, что ее больше всего сдают на донорских днях.

– Ага! – радостно воскликнула Алена. – А вы не могли бы узнать, товарищ майор, не было ли каких-то случаев кражи донорской крови первой группы на станциях переливания?

Аксютин посмотрел на нее со странным выражением.

– Вы соображаете, что говорите? – осведомился скучным голосом. – Что за бред? Даже если бы я и решил последовать вашему нелепому указанию, то как я могу заставить людей заниматься этим в ночь под Рождество?!

– Во-первых, это Рождество, – сказала Алена. – А во-вторых, вы хотите сказать, что вся московская милиция – кроме вас, конечно! – этой ночью или спит, или непотребно квасит, а миллионы жителей столицы нашей необъятной родины, города-героя Москвы, брошены на произвол судьбы?!

У Аксютина так сверкнули глаза, что Алена подумала: происходит действие в вестерне, он выхватил бы свой «кольт» и выпалил в нее в упор. А происходит дело в криминальном романе, выхватил бы свой боевой «макаров», или «ТТ», или из чего там еще стреляют работники милиции в криминальных романах?

Однако дело ограничилось лишь сверканием глаз. А потом Аксютин вдруг усмехнулся:

– Ну и языкастая леди! Неужели вы и Муравьева вашего так же убалтываете? Ну ладно, я могу попытаться узнать... насчет хищений крови.

– Попробуйте, попробуйте. Причем спрашивайте о хищениях в районе тех дней, когда найдены были трупы, – напутствовала Алена. – Ведь кровь должна быть свежая, верно? Это раз. А во-вторых, это должна быть кровь женщины, причем молодой. Иначе сразу будет понятно, что подделка. Я читала, по составу крови можно даже пол определить и возраст. Это правда?

Мгновение АВ и Аксютин смотрели на нее неподвижно, потом АВ с уважением покачал головой, а Аксютин... Аксютин махнул рукой и рассмеялся:

– Bravo! Теперь я верю, что Муравьев не зря вами бредит. Вы угадали. Убийств... – Он замолк на мгновение. – Никаких убийств не было.

* * *

– Не было?! – почти испуганно переспросил АВ.

– Не было.

– А что же... что же было? – АВ мотнул головой куда-то в сторону.

– Была очень старательная попытка нас убедить, что здесь произошло убийство. Как и во всех предыдущих случаях. В крови обнаружены консерванты, которые помещают туда в пунктах сдачи крови. То есть кровь, как вы изволили выразиться, – Аксютин с улыбкой в глазах глянул на Алену, – не свежая. Это раз. Только в одном случае из трех предыдущих – анализ сегодняшней мы еще не проводили, сами понимаете, – пролита кровь молодой девушки. Один раз – мужчины тридцати лет, второй – мужчины под сорок, причем больного гепатитом. Вы представляете?! И случаи хищений мы проследили. Они происходили в Лугокамске, на районной станции переливания крови. Правда, примерно месяц назад. Виновный – санитар – сказал, что ему заплатила, причем

очень щедро, какая-то женщина. Ничего толкового больше он сказать не мог, кроме того, что чуть не сдох из-за этой бабы: напился до полусмерти, деньги частью пропил, частью потерял, да еще и в вырезатель угодила. Так что убийств все же нет, но есть случаи истерик, сердечных приступов, шока у тех, кто эти декорации обнаруживал и видел, так что дело все равно на уголовное очень даже тянет – нарушение общественного порядка и злостное хулиганство.

– Ну вот, теперь вы верите, что это антирекламная провокация? Что круги смыкаются вокруг «El choslo»? – возбужденно воскликнула Алена.

– Какая фраза! – хмыкнул Аксютин. – Круги смыкаются... Что и говорить, писательницу сразу видно! Ну ладно, предположим, что вы правы.

– Однако я не совсем понимаю, при чем здесь бутерброд? – осторожно осведомился АВ.

– Какой бутерброд? – отрывисто спросила Алена. – Ах да, бутерброд! А что, в этом туалете тоже нашли бутерброд? – повернулась она к Аксютину.

– Громовой! – вместо ответа позвал Аксютин, и тот явился, как послушный джинн, раб лампы – или служебных обязанностей, что, впрочем, почти одно и то же. Правда, джинн являлся практически беззвучно, а явлению Громового предшествовал скрип двери.

– Покажи бутерброд, – велел Аксютин, и Громовой достал из портфельчика пластиковый пакет с лежащим в нем бутербродом, в свою очередь затянутым пленкой.

– Куплен в одном из вокзальных кафе быстрого обслуживания, – сообщил он. – Кафе называется «Зефир». А предыдущий был куплен в кафе, которое называется... как его... – Он запнулся, вспоминая.

– «Борей»? – легкомысленно хихикнув (с тех пор как стало ясно, что убийства не происходили, на душе значительно полегчало!), предположила Алена, которая никогда не упускала случая продемонстрировать свою начитанность и изысканные аллюзии.

– «Пастила»? – непроизвольно облизнулся АВ. Алена понимающе улыбнулась ему – она тоже обожала пастилу!

– Нет, всего лишь «Квадра-М», – прозаично сказал Аксютин. – Неведомо, почему оно «Квадра», но оно тоже находится на Курском вокзале.

– Разумеется, продавцы не помнят, кто эти бутерброды покупал, – предположила Алена.

– Разумеется, нет, – кивнул Аксютин. – Вокзалы ведь, народищу чертова уйма... А два предыдущих бутерброда были куплены на Павелецком вокзале, в буфете.

– А что там еще повторяется во всех этих случаях, кроме бутерброда? – спросила Алена. – Какой-то крест... Крестиками, что ли, убийца разбрасывался?

– Да нет. Просто во всех случаях бутерброд лежал на полу, а перед ним была надпись обычным мелком: нарисован крест, потом восьмерка, потом буква С. И все.

– Нет, не все, – снова подал голос Громовой. – Там еще точка стояла.

– Ну, точка, – пожал плечами Аксютин.

– Слушайте, – вкрадчиво сказала Алена, – а вы не могли бы это написать? А то я как-то лучше соображаю, когда наглядно...

Аксютин не стал спорить, вынул из кармана блокнот, ручку, старательно начертил на чистом листке: «+8С». – и добавил:

– Ну и бутерброд лежал тут, рядом с точкой. Да вот, посмотрите, у нас есть фото предыдущих надписей, и сегодняшнюю я на мобильный снял.

Он подал Алене три обычных цветных снимка, а потом достал телефон и открыл кадр.

– Только на сей раз он еще приписал «ха-ха», видите? И восклицательный знак поставил.

В целом все выглядело так: «+8С (бутерброд) ХА-ХА!»

– Занятно, – проговорил АВ задумчиво. – Это, надо полагать, его подпись? Как черная кошка в «Место встречи изменить нельзя».

– И мне кажется, что это подпись, – кивнула Алена. – Только не его, а ее.

– Вы имеете в виду, что тому санитару в Лугокамске заплатила за кровь женщина, а декорации обставляются в женских туалетах? – спросил Аксютин. – Но наш пакостник может переодеваться в женское пальто, в платок какой-нибудь...

– Вообще да, – нерешительно согласилась Алена. – Вполне возможно. Наверное, он был переодет, потом выскользнул из кабинки, когда я в своей уже переодевалась, а другие девушки зашли в кабинки, которые для них открыл АВ, и туалет был пуст...

Она умолкла. Мелькнула какая-то мысль... что-то про дверь и еще почему-то про колготки в сеточку... мелькнула и, к сожалению, ушла восвояси.

– А вы не интересовались у охраны, уходил ли кто-то из зала в самом начале милонги? Мужчина или женщина? – спросила она Аксютин.

– Я задавал такой вопрос, – вмешался Громовой, – никто не уходил, все только приходили.

– Значит, он или она все еще здесь, – задумчиво проговорила Алена. – Значит, этот человек из наших... это тангеро или тангера. Но я почти убеждена, что именно тангера! Во всех этих делах есть что-то непроходимо-бабское, не изощренное, а такое подловато-хитроватое. Как действия какой-то злобной неудачницы... Слушайте, АВ, – смущенно взглянула она на своего кумира, – а нет ли где-то в вашем окружении какой-то злобной ревнивицы, которая не может простить вам, что вы на Тане женились?

– Точно нет, – качнул головой АВ. – Мы ведь уже лет пять женаты, все устаканилось. Не очень я верю в долгоиграющую месть. Кроме того, вы говорите, он или она из тангерос, а в нашем кругу я никаких порочащих связей,

так сказать, не имел.

– Не имел, не имел... – задумчиво повторила Алена. – А вам не кажется, что это «ХА-ХА!» очень похоже на издевку? Автор издевается над нами. Автор намекает, что разгадка рядом. А мы, идиоты...

– Кхм, кхм! – сердито кашлянул Громовой. – Прошу не обобщать.

– Не буду, – покладисто согласилась Алена. – Но давайте следовать логике тангеро. То есть примем за основу, что мы ищем человека, который танцует аргентинское танго. Значит, он мыслит тангообразами. В том смысле, что у нас, у тех, кто тангирует, мышление очень своеобразное. Помнится, я в Париже, в метро, увидела надпись *salida*...

– Да ну?! – перебил АВ со смехом. – Я тоже ее видел. Дико, да?

Аксютин и Громовой переглянулись.

– Вы не понимаете, – усмехнулась Алена, посмотрев на них покровительственно. – И понять не можете. Дело в том, что *salida* по-испански – выход, то есть эта надпись встречается в метро в ряду других, которые на разных языках подсказывают, где находится выход: *sortie*, *exit*, *salida*... Все нормально для нормальных людей. Но, кроме этого, *salida* – еще и название базовой фигуры аргентинского танго. Поэтому нам с АВ и показалось странным увидеть это слово в метро! Понимаете?

– Нет, – дружно сказали Аксютин и Громовой.

Алена безнадежно махнула рукой:

– Да ладно, это не важно. Короче, есть фигура *салида*, а есть – *салида крузе*, что означает выход в крест. То есть партнерша делает ножкой вот так, – она показала, как именно, – и становится в крест. Понятно?

Аксютин и Громовой переглянулись с тоскливым выражением.

– Да вот, посмотрите! – воодушевленно предложил АВ, подхватил Алену в эль альбрасо, то есть в объятие, и вывел в крест на пяти шагах с самой понятной и удобной скруткой, какую ей только приходилось испытывать в жизни.

– Теперь понятно, – глубокомысленно сказал Аксютин, глядя на скрещенные ноги Алены.

– Ну да, – подтвердил и Громовой, заходя сзади и глядя туда же. – Все понятно!

– Итак, с крестом мы разобрались, – подытожила Алена, продолжая оставаться в той же стойке. – Из креста очень удобно выйти в очо кортадо.

АВ немедленно вывел ее в очо кортадо.

– Очо кортадо – это прерванное очо, – продолжала Алена, стоя чуть сбоку АВ с расставленными ногами и с трудом сдерживая себя, чтобы не сделать какое-нибудь украшение. Но сейчас было, конечно, не до танго-бижутерии! – Очо, очо, – это название красивой такой фигуры, но еще это – восемь по-испански. В танго партнерша как бы восьмерки перед партнером выписывает, оттого так фигуру и назвали. Понимаете, раньше, на заре атанго, когда его танцевали в каких-нибудь, ну, не знаю, тавернах, трактирах, где пол был посыпан опилками или песком, а девушки еще не носили коротких юбок и их ног не было видно, – она для наглядности помахала ножкой и встала в прежнюю стойку, – зрители смотрели на их следы на полу. Ровненько выписанные восьмерки, ну, ochos, свидетельствовали о мастерстве партнерши.

– То есть вы хотите сказать, что цифра 8 в записке – это обозначение фигуры танго? – проявил чудеса сообразительности Аксютин.

– Совершенно верно! Но там написано не просто 8, а именно 8С, что означает очо кортадо, мы для краткости, записывая схему какой-то связки, так и пишем: 8С. – Она кивнула на фотографии, лежащие на пластиковом столе. – На испанском слово cortado пишется с буквой С, но произносится К. Понятно? То есть после креста следует очо кортадо.

– Ну и что? – со скептическим выражением проговорил Аксютин. – Перечень фигур, не более того. Что это нам дает?

- Нам дает это то, что за ними следует точка, - сухо сказала Алена. - Думаю, точка тут обозначает некое пропущенное слово, название фигуры, которая следует за очо кортадо.

- Вообще существует два выхода, - подсказал АВ. - Можно снова поставить партнершу в крест, а можно вывести ее в американу.

- А, ну да, - с непостижимым выражением кивнул Аксютин. - Если в американу можно вывести, тогда конечно! И все же насчет бутерброда...

- Американа... - пробормотал АВ. - Бутерброд...

- Бутерброд здесь тоже не с печки упал, - сказала Алена.

- Не с печки, - согласился Громовой. - Его в магазинах вокзальных покупали.

- Да нет! - махнула рукой раздосадованная Алена. - Не в том смысле! Бутерброд - это тоже название фигуры аргентинского танго! По-английски она называется sandwich, по-испански - mordida, но часто преподаватели для простоты говорят просто - делаем бутерброд. То есть выглядит все вместе вот так... АВ, поведите меня, пожалуйста.

АВ повернул Алену так, что вес ее перешел на правую ногу, и вывел с левой ноги перед собой. Сам он шел с правой. То есть, как это называется у понимающих людей, они шли с внутренних ног. Вообще, к слову сказать, у тангерос и вообще танцоров не две ноги, левая и правая, а шесть: левая, правая, задняя, передняя, внешняя, внутренняя. Иногда, впрочем, их бывает даже восемь: добавляются еще верхняя и нижняя.

А впрочем, вернемся к американе. Итак, АВ вывел Алену с внутренней ноги и поставил перед собой, но не просто так, а зажав ее ступни между своими.

- Вот вам бутерброд, пожалуйста, - с торжеством сказала Алена. - Сандвич, мордид, бутерброд, как хотите, так и назовите! Вообще не слишком удобный выход из очо кортадо, правда, АВ? То есть американа вполне уместна, но вот так сразу в бутерброд...

– Американа! – воскликнул вдруг АВ. – Бутерброд! Но ведь это любимый выход Розы Рыбиной! Она вообще американу любит, у нее даже студия называется знаете как? «Американа»!

– Вот! – с торжеством воскликнула Алена. – Подпись расшифрована! – И она даже в ладоши захлопала от восторга: – Вы говорили, эта дама амбициозна? Она студию открыла? Вот вам мотивы!

– В самом деле, – сконфуженно хмыкнул АВ, – кроме того, она, когда с Белым Лебедем перестала танцевать, очень сильно меня осаждала... в том смысле, чтобы стать моей партнершей. Но у меня же Танечка есть... и вообще, Рыбина – она Рыбина в полном смысле слова. Холодная, даже замороженная, расчетливая! По ней сразу видно было, что ее вовсе не я интересую, а мое раскрученное дело. Ни как женщина, ни как компаньонка она меня совершенно не трогала. Конечно, она ужасно разозлилась, когда я ее бортанул! Но неужели...

– Определенно! – с энтузиазмом воскликнула Алена.

– А я бы так не сказал, – перебил Аксютин, и Алена с изумлением обнаружила, что голос его звучит с прежней насмешливостью, а из серых глаз не исчезло скептическое выражение. – Все это очень впечатляюще, конечно, но, сколь мне известно, АВ, ваша Роза Рыбина подвернула ногу и сидит дома. То есть здесь ее не было и быть не могло. Тогда кто-то все это устроил?

За спиной скрипнула дверь. Кто-то заглянул и исчез.

– Бог ты мой, – тихо сказала Алена, берясь за голову. – Я знаю кто.

– Ну? – хором произнесли АВ, Аксютин и Громовой.

– Имени ее я не знаю, но... слушайте, там какие-то отпечатки пальцев остались? – спросила она. – На бутерброде, на тувельке, на задвижке туалета изнутри, на стенах, еще где-то?

– Определенно остались, – кивнул Аксютин. – А что?

– А то, что я знаю, с чьими отпечатками они совпадут. И я вам ее покажу... если она уже не ушла, конечно. Но все равно я знаю, как она выглядит, теперь ее можно найти. Пойдемте посмотрим.

Снова заскрипела дверь, и все четверо вышли в танцевальный зал, уже переполненный тангерос до такой степени, что казалось просто невысказанным кого-то в нем разглядеть. Однако Алене нынче фартило! Не прошло и минуты, как она вцепилась в руку АВ:

– Вот она! Вон та черненькая, в черном платье! Вы ее знаете?

– Конечно, – сказал АВ. – Это Ира Стасова, самая близкая подруга Розы Рыбиной. Одна из преподавательниц в «Американе». Настолько нас ненавидит, что, вообразите, даже перестала аргентинскую обувь у нас покупать, танцует черт знает в чем просто из принципа!

– Ха-ха, – сказала Алена. – Из принципа, значит? А между тем я уверена, что она покупала у вас туфли. Одна из них была ею оставлена сегодня в туалетной кабинке. Видимо, они с этой Розой все и придумали. Роза, конечно, нарочно купила сегодня такую же пару, чтобы еще сильнее все запутать. А ногу она точно не подворачивала – просто обеспечивала себе полное алиби на всякий случай. Я не я, и туфля не моя.

– И все же я не пойму, почему вы Ирку подозреваете, – сказал АВ.

– Потому что она вышла из соседней туалетной кабинки, у нее порван чулок, а дверь не скрипела! – с торжеством объявила Алена.

Трое мужчин посмотрели на нее, потом переглянулись, потом снова посмотрели на нее.

– Э-э... – пробормотал АВ.

– Да-а... – пробормотал Аксютин.

– Ну-у... – пробормотал Громовой.

– Что-то ничего не понятно! – наконец пробормотали они хором.

Алена с мученическим выражением воздела очи горе. А впрочем, наверное, и впрямь надо объяснить.

– Ну ладно, слушайте, – сказала она снисходительно. – Я пришла одной из первых, еще восьми не было. Сразу побежала переодеваться. Восемь кабинок были заперты, а две заняты. За дверью крайней валялась знаменитая туфелька. Там кто-то сильно шуршал. Потом со скрипом, – она выделила голосом это слово, – открылась дверь соседней кабинки. Вышла вон та девушка, Ира эта, с большой черной сумкой. Я туда вошла. Когда я переодевалась, появился АВ и велел открыть другие кабинки. Девушки начали в них заходить. Двери ужасно скрипели. Потом я вышла – дверь опять заскрипела! – и пошла в зал. Ира уже танцевала. Я обратила внимание, что она очень скованно движется. Я подумала, что из-за неудачных туфель. А потом у нее подол взвился в повороте. И я увидела, что у нее на коленке порваны колготки, она просто боялась двигаться свободно, чтобы этого никто не увидел. Теперь понятно?

АВ, Аксютин и Громовой переглянулись и сказали хором:

– Не очень.

– Что, серьезно? – озадачилась Алена. – Ну ладно, скажите мне, АВ, дверь той кабинки, где как бы произошло убийство и где валялась туфелька, не была заперта изнутри, когда все это обнаружилось, верно?

– Не была, – качнул головой АВ. – Мы обратили внимание, что туфля там слишком долго лежит, начали стучать, открыли и увидели... Но откуда вы знаете?

– Оттуда! – с торжеством воскликнула Алена. – Оттуда, что дверь не скрипела. Пока я была в туалете, из нее никто не мог выйти, я бы услышала скрип. А между тем она не была заперта. Это значит – что? Что из нее никто не выходил, а пролез в соседнюю кабинку под перегородкой. Там перегородки не очень высоко подняты, протиснуться, конечно, можно. Она, эта Ира, сразу заперла обе кабинки, чтобы обеспечить себе путь к отступлению, и пролезла под перегородкой в крайнюю. Там она все декорации расставила, потом начала пролезать под перегородкой, но порвала чулок. Наверняка у нее и ссадина на коленке, это легко проверить. Потом она вышла как ни в чем не бывало из

другой кабинки со своей сумкой, в которой, конечно, у нее раньше были спрятаны все необходимые реквизиты, а теперь лежала только ее одежда, и пошла себе танцевать. Вот и все. Очень просто, верно?

- Ну да, - хором сказали АВ, Аксютин и Громовой, потом майор кивнул напарнику:

- Побеседуй с этой Ирой!

И тот с неожиданной ловкостью ввинтился в броуновское движение на танцполе.

- Жалко ее, - сказала Алена. - Не дотанцует... А такое танго красивое, «A Media Luz», я его обожаю, особенно когда Анита Де Сильва поет, вот как сейчас. - И она не смогла удержаться, чтобы не пропеть под музыку:

И сумерки вокруг

Смыкаются, лаская.

И сумерки целуют,

Когда целуешь ты.

Вздыхает полумрак,

Когда ты вдруг вздыхаешь,

Когда вздыхаю я

В полутонах любви...

- Что такое? - удивился Аксютин.

- Ничего, - невинным голосом сказала Алена. - Такое танго-шансон.

- Красиво, - сказал Аксютин и почему-то покраснел.

- Да, - усмехнулась Алена, но глянула на часы - и усмешка тут же слиняла с ее лица: - Ой, сколько уже времени! Это мы так долго говорили?! Да ведь у меня

поезд через сорок минут, а мне еще переодеться и до вокзала добежать. Нет, на одно, последнее танго у меня время еще есть, конечно, если кто-то пригласит...

Аксютин браво шагнул вперед, и серые глаза его блеснули.

- Вы танцуете аргентинское танго? - изумилась Алена.

Серые глаза померкли:

- Нет... а обязательно только танго танцевать, да?

- На милонге, - наставительно проговорила Алена, - обязательно. Только танго!

- Зато я танцую аргентинское танго, - улыбнулся АВ. - Алена, вы позволите?

- Еще как! - с нескрываемым восторгом воскликнула Алена, бросаясь в объятия АВ.

Салида, крест, очо кортадо, американа... и так далее, и так далее... дивный, лучший в мире, волнующий, восхитительный танец!

- Я научусь! - крикнул вслед Алене Аксютин, и серые глаза его снова блеснули. - К следующей милонге! Приглашаю вас! Договорились?

- Сначала выучите кодигос! - засмеялась она и исчезла в толпе танцующих.

Марина Серова. Рождественская шутка

- Даже слушать ничего не хочу, - кипятилась Ленка, - немедленно собирай свое барахло, и едем на дачу. А лучше ничего не собирай. Там есть все необходимое, а на сборы уйдет время. Ты и так Новый год просаботировала. Виданное ли дело - отключить телефон и работать в новогоднюю ночь! Учти, из всех друзей я одна обиделась на тебя не смертельно. Таня, если молодая и красивая блондинка отказывает себе в развлечениях ради работы, это диагноз. И тебя

надо срочно лечить. Если не поедешь по доброй воле, позову ребят, свяжем. Не помогут ни твой черный пояс по карате, ни пистолет. Собирайся, я сказала! Я еле-еле детей к бабушке сбагрила, чтобы с тобой оторваться, а ты...

Я и сама не против была уехать на Рождество за город, поэтому ломалась больше из-за лени, чем из-за нежелания праздника. Новогодняя ночь выдалась горячая, в последующих за ней событиях тоже пришлось принять участие, так что я действительно заслужила отдых.

– Будут только свои, – предупредила мой вопрос Ленка, – никаких шумных мероприятий не намечается. Если хочешь, посадим тебя перед камином, сунем в руку кружку с глинтвейном и не будем обращать на тебя внимания.

Картинка вырисовывалась соблазнительная, причин сопротивляться не было, и уже спустя полчаса мы на моей верной «девятке» выехали за пределы Тарасова.

* * *

Хорошо, что Ленка вытащила меня из дома сегодня. Гости собирались приехать только завтра, у меня были целые сутки для того, чтобы побыть в тишине. Если это только возможно с такой подругой, как Ленка. Вот и сейчас она скатилась по деревянной лестнице со второго этажа и бросила на кресло перед камином кучу ярких вязаных вещей:

– Выбирай, одевайся, едем.

– Господи, куда, – взмолилась я, – ты же обещала, что подаришь мне три дня свободы и покоя!

– Так на свободу и едем! Смотри, какая сказка за окном – мороз и солнце! Покоя – завались! Сама же мечтала покататься на лыжах.

Правда мечтала, вспомнила я и с благодарностью посмотрела на подругу. Она права. Надо иногда забывать о работе и отдаваться простым человеческим радостям. Особенно если это работа частного детектива. Для меня нашлась пара вполне сносных лыж, мы оделись и по проселочной дороге добрались до леса. Дорожные службы работали на совесть, сугробы по краям дороги поднимались

до уровня человеческого роста. Странно, в Тарасове – чахлые серые сугробики, а за городом – такая роскошь.

Снег покрывал тонкий наст, лыжи стояли на нем уверенно, но стоило моей подруге потерять равновесие и упасть, как она провалилась по пояс. Я помогла подняться хохочущей и барахтающейся Ленке и встать ей на лыжи. Эти простые действия заняли у нас минут десять, но настроения не испортили. В лесу было фантастически красиво, я уже и не помню, видела ли когда такую красоту в живом виде или только на страницах календаря. Я немного отстала, зачерпнула горсть пушистого искрящегося снега и лизнула – вкусно.

Подруга уверенно бежала в глубь леса, я не отставала – она говорит, что знает эти места, не заблудится. Немного смущало отсутствие лыжни, но это в пригороде лес расчерчен ровными парными полосами, а здесь – деревня, дачи. Среди деревьев мелькнул бревенчатый домик, и Ленка резко остановилась.

– Смотри, – махнула она палкой в сторону жилья, – и в такой глуши живут люди. Как, интересно, они за продуктами выбираются – дороги-то нет. Тоже на лыжах?

– А может, там и не люди вовсе, – равнодушно пожав плечами, ответила я, – дороги действительно нет, всяких сараюшек – тоже не видно. Вполне возможно, что мы с тобой наткнулись на избушку Бабы-яги.

Ленка захихикала, но как-то неуверенно. Мне тоже было немного не по себе: зимний день короткий, и хотя было еще не поздно, но деревья уже бросили синие длинные тени, а искрящийся еще недавно снег стал просто бесконечно белым и скучным. Пора домой.

– Давай зайдем, – заканючила вдруг Ленка, – я никогда не прощу себе, если не побываю в настоящей избушке Бабы-яги. Ну, чего ты ведешь себя, как зрелая серьезная женщина?

Я представила, как мы будем битый час с ней препираться, потом она меня уговорит, а к тому времени стемнеет, так что возвращаться придется в сумерках, и согласилась. Борьба с духом авантюризма, напавшим на подругу, обычно заканчивалась моим полным поражением.

* * *

Вблизи домик казался нежилым. Никаких следов у входа, ни намека на дым из трубы, пудовый замок на двери. К собственному удивлению, я испытала легкое разочарование: как бы ни сердилась я на Ленку, а в глубине души тоже ждала чего-то необычного.

– Вот видишь? Баба-яга, наверное, в райцентре маникюр к празднику делает, можно идти домой.

– Ничего ты не понимаешь, – с легким презрением отозвалась подруга, – это для нас, правоверных христиан, Рождество – праздник. А для нечисти всякой – кошмар и сущее наказание. Смотри, а замок-то не заперт, только накинута. Зайдем?

– Лен, ты с ума совсем сошла? – возмутилась я. – Ты в любую квартиру в городе заходишь, если она не заперта?

– Это в городе, – заупрямилась подруга, – а в лесу совсем другие правила, я знаю.

Не слушая меня, она вынула из петель дужку замка, расшвыряла ногой снег перед дверью, благо крыльцо было высокое, иначе дверь замело бы до середины, и потянула на себя ручку. Дверь неохотно, но поддалась, и Ленка проскользнула внутрь. Мне ничего не оставалось, как снять лыжи и последовать ее примеру. Я обернулась, внимательно оглядела лес и осторожно заглянула в избушку. Как и следовало ожидать, она была пуста.

* * *

– Танька-а, – протянула подруга, – смотри, что тут! Здесь такое творится!

Через крохотное окошко струился неяркий зимний свет, освещая ничем не примечательную обстановку: дощатый пол, покрытый домоткаными половиками, две простые деревянные кровати, застеленные незамысловатыми лоскутными одеялами, стол, сложенный из широких досок, лавка вдоль одной из стен, русская печка, сундук. Аскетично, но все необходимое есть, ничего, что мебель

не вполне современная: в избе, которая стоит посреди леса, подобная обстановка очень даже гармонично смотрится. Все вроде просто и логично, кроме одного: и кровати, и стол, и лавка, и печь словно сделаны для детской комнаты и рассчитаны на ребенка пяти-шести лет. Ленка носилась по комнате, хватала разные предметы, совала мне их под нос, бросала на место, бралась за другие и с умилением верещала:

- Ну, не прелесть ли? Посмотри, как все натурально сделано, будто тут действительно живут малыши. Смотри, керосинка. Ты умеешь зажигать керосинку? И я не умею. Давай зажжем свечи! - Она чиркнула спичкой и зажгла свечу, стоящую на столе.

- Лена, мне не нравится все это, - ответила я.

- Да брось, - отмахнулась подруга, - не занудствуй. Ты же видишь, прекрасная стилизация под домик каких-нибудь сказочных героев. «Маша и медведь» читала? В Ярославской области построили музей Бабы-яги, а чем Тарасов хуже? Вот и у нас расстарались. Только непонятно, кто тут живет. Ой, смотри, какая прелесть! - Лена держала в руках крошечную пару ярких вязаных носочков. - Под кроватью валялись. Ну надо же, до чего реалистично!

Я не разделяла ее восторгов. Во-первых, интерьер был явно не музейный: этими вещами пользовались, в этом доме жили, любой человек без труда отличит бутафорию от реальности. Во-вторых... кем бы ни были обитатели этой избушки, они вряд ли обрадовались бы нашему наглому вторжению. Ну ладно, довольно долго я шла на поводу у подруги - отдохнули, развлеклись, пора домой.

- Все, ты как хочешь, а я ухожу, - решила я и открыла дверь избушки.

Не ожидая приглашения, в нее ворвался ветер с роем колючих иголочек снега. Кажется, пробыли мы в домике совсем немного, а за это время в лесу стало почти совсем темно. Темно и ветрено. О том, чтобы найти свою лыжню, не было и речи. При ярком свете дня еще можно было как-то сориентироваться, а сейчас...

- Ой, как уже поздно, - встала за моими плечами Ленка, - правильно ты говорила, домой пора. Только как мы теперь пойдём-то? Темно.

– Как пришли, так и пойдём, – разозлилась я.

Расслабилась, пошла на поводу у легкомысленной Ленки. Ей простительно, она может позволить себе считать окружающий мир сказочно прекрасным, а я-то чего? Подруга за моей спиной всхлипнула:

– Нам теперь все? Кранты? Мы замерзнем тут, как полярники? Это все я виновата! – И она разрыдалась.

Всю мою досаду как рукой сняло. Некрасиво, частный детектив Татьяна Иванова, вымещать злость за свой непрофессионализм на беззащитной подруге, это именно я должна была позаботиться о своевременном возвращении домой. Я гладила ее по голове и думала: в принципе, ничего страшного не случилось. Мы не так уж и далеко от деревни, поэтому утром, когда рассветет и закончится метель, легко найдем дорогу. В конце концов, не в Сибири же мы, а леса в окрестностях Тарасова не такие уж и дремучие. Вспомню уроки выживания в экстремальных условиях, что-нибудь придумаю. Возле печи я заметила сложенную поленницу – значит, в печи можно будет развести огонь и смерть от холода нам не грозит. Воды в лесу – залейся, вернее, засыпся, кое-какие продукты здесь есть, а если явятся хозяева, то, кем бы они ни были, простят непрошенных гостей. Есть же негласные кодексы гостеприимства в таких вот лесных пристанищах, я много об этом слышала.

Я отстранила от себя подругу и присела перед печью. Раньше мне никогда не приходилось разжигать огонь в печи, но не думаю, чтобы это было сложнее, чем развести костер. Я настрогала тонких щепок с одного из поленьев, сложила их шалашиком и поднесла спичку – огонь занялся быстро, словно только ждал приглашения, по комнате быстро разлилось тепло. Ленка перестала всхлипывать: когда рядом трещит огонь, хочется верить, что жизнь не закончена.

– А мне что делать? – не дожидаясь команды, сдалась она под мои знамена.

– Для начала накинь щеколду, – отдала я команду, – а потом посмотри в буфете что-нибудь на ужин.

За моей спиной звякнула щеколда, Ленка засопела и через пару мгновений радостно воскликнула:

– Здесь сало и пшенка! А макарон почему-то нет. Сало я даже с хлебом не ем, а пшенку без молока варить не умею. И как мы теперь без еды?

Я молча сунула ей в руки небольшое ведерко и отправила за снегом. Пшенка так пшенка. Лучше, чем ничего. Эта печка, как я и надеялась, была предназначена не только для обогрева, поэтому прошло чуть больше часа, и каша сварилась. Странно, но ни наш совместный кулинарный «талант», ни скудость ингредиентов никак не повлияли на конечный результат: каша была не просто вкусной, а просто потрясающе вкусной! Даже Ленка, которая совсем недавно утверждала, что не ест пшенку, без раздумья положила себе вторую порцию.

Сытость и тепло прогнали остатки тревоги; немного помучившись с керосиновой лампой, мы получили теплый и довольно яркий свет, за окошком завывал ветер, а мы были в полной безопасности. Мы сели на пол возле печи и молча смотрели, как трещат березовые поленья.

– Нет, это все-таки несказанная удача, что я вывела нас на этот домик. Страшно представить, что бы мы делали, если бы пурга застала нас в лесу, – гордо констатировала Ленка.

Мне не хотелось с ней спорить. Здесь было так тепло, хорошо, уютно, что совершенно не хотелось что-то доказывать, в чем-то обвинять, зачем-то обижать. Глаза слипались. Интересно, как мы будем спать? Лисичка на лавочку, хвостик под лавочку? Кроватки-то действительно сделаны на малышей. Ладно, как-нибудь перетерпим ночь. Главное, что одеяла теплые, хоть и маленькие. Я потянулась и провозгласила:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«El choclo» – название одного из самых популярных классических аргентинских танго.

2

Базовые фигуры аргентинского танго.

3

Музыкальный отрезок на милонге, обычно это три танго, милонга и танго-вальс, длится в общей сложности около пятнадцати минут.

4

Одна из самых сложных и весьма эффектных фигур аргентинского танго: некая взаимная «пирамидка» между партнерами с различными движениями ног.

5

Свод традиционных правил, регламентирующий поведение на милонге.

Изощренная фигура аргентинского танго, высокие махи ногой партнерши за спину партнера.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/rozhdestvenskie-detektivnye-istorii>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)